

ФЕНОМЕН ТЕОРИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МАТРИЦ: РЕСТАВРАЦИЯ УСТАРЕВШЕЙ ПАРАДИГМЫ

О.Э. Бессонова

В статье анализируется теория институциональных матриц С.Г. Кирдиной с позиций достоверности прогноза о перспективах недемократического развития России. Анализ строится на рассмотрении внутреннего устройства институциональных матриц, их внешнего окружения и базовых институтов. Вскрывается сущность метода построения теории путем выделения положений, заимствованных из западного и российского институционализма, с одной стороны, и анализа собственного вклада автора данной теории - с другой. Делаются выводы о внутренней несогласованности ключевых положений, недоработке базовых категорий и существенных противоречиях фактам социальной реальности. В статье противопоставлена традиционная парадигма «Запад-Восток», воспроизведенная в теории институциональных матриц, новой картине мира на базе теории раздаточной экономики, обосновывающей перспективы демократического развития для России.

Несмотря на появление новых теоретических подходов, помогающих объяснять отдельные фрагменты социально-экономической реальности, пока еще не сформировалась признанная теория, выявляющая общие закономерности ее развития. Потребность в такой теории обостряется, в частности, в связи с необходимостью глубокой рефлексии нового курса российского правительства, направленного на возвращение государству роли активного хозяйственного субъекта. По существу, необходимо заново переосмыслить «генетическую» совместимость классического рынка и российской экономической системы. Общественная наука пока не при-

шла к единому мнению относительно того, происходит ли здесь временный краткосрочный «поворот назад», как считают сторонники «западно-либеральной» концепции, или осуществляется прогрессивное развитие в новых институциональных формах.

Наряду с этим обсуждается теоретическая концепция, приписывающая России к восточным образцам развития и однозначно объясняющая новую экономическую политику ее естественным возвращением на рельсы азиатского пути с вытекающими отсюда последствиями – свертыванием демократических форм и усилением авторитарности политического режима. Это теория институциональных матриц, «сухой остаток» которой выглядит следующим образом:

«С. Кирдина предлагает следующую трактовку событий российской истории с середины XIX века. Российская культура основана на институциональной X-матрице, идентичной или близкой восточным культурам. Модернизаторы всякий раз пытаются навязать стране чуждую ей Y-матрицу, свойственную Западу. В итоге каждая модернизация, осуществляемая в целях усвоения норм либерализации, частной собственности и прав личности, заканчивается реставрацией традиционной X-матрицы» [Ясин, 2005а, с. 333].

Прогнозирование недемократического будущего для российского общества объясняется тем, что в этой теории выделяются два типа институциональных матриц с жесткой внутренней конструкцией: в западных матрицах рынок однозначно соответствует свободе и демократии, а в восточных – нерыночная экономика является основой тоталитарных (авторитарных) режимов [Кирдина, 2000, 2001, 2004а].

Для оценки достоверности сделанного прогноза важно разобраться и понять, что же такое «институциональная матрица», и каково ее внутреннее строение? Из текста видно, что данная категория взята из работ Д.Норта и К.Поляни, но наполнена другим смыслом. Если Норт определяет институциональную матрицу как совокупность формальных и неформальных институтов, определенных «правил игры» на конкретном этапе общественного развития [Норт 1997, с.129], то С.Г. Кирдиной она понимается как система исторически устойчивых и неизменных во

времени базовых институтов [Кирдина 2000, с. 59]. Одновременно в ее текстах постоянно встречается и другая категория с тем же самым смыслом – «институциональное ядро». Она пишет:

«Каждая из них (политика, экономика, идеология) выполняет свои специфические функции в обеспечении выживания и развития социума как единого целого и характеризуется свойственным ей комплексом базовых институтов или *институциональным ядром*» [Кирдина 2001, с.55].

Свое институциональное ядро есть также у каждой из выделенных подсистем – экономики, политики и идеологии:

В экономике: «Описанный институциональный комплекс из пяти базовых институтов, составляющих *ядро* Y- экономик - частной собственности, конкуренции, обмена, наемного труда и прибыли – в основных своих чертах давно известен» [Кирдина 2001, с. 96]. «Заканчиваем обзор институтов, составляющих *институциональное ядро* X и Y - экономик» [Кирдина 2004а, с.97].

В политике: «Иное *институциональное ядро* имеет унитарно-централизованное политическое устройство, характерное для государств, воспроизводящих X-матрицу» [Кирдина 2000, с.139].

В идеологии: «Для X-матриц характерна коммуитарная идеология и свойственный ей комплекс базовых институтов, а для Y-матриц – субсидиарная идеология с иным *институциональным ядром*» [Кирдина 2001, с. 160].

Возникают вопросы: как ядра выделенных автором подсистем соотносятся между собой, и какое место они занимают в структуре институциональной матрицы? Почему в теоретических положениях ничего не сказано о соотношении институциональных ядер и самой институциональной матрицы? И почему *ядро* и *матрица* используются как однотипные категории? Для ответа на них рассмотрим внутреннее строение институциональных матриц.

Поскольку главный упор автор делает на базовые институты, как на конструктивные элементы изучаемой матрицы, начнем именно с них. Анализ показал, что за пять лет предьявления данной теории научному сообществу состав базовых институтов изменялся, по крайней мере, четыре раза. Последовательные изменения экономических институтов X- матрицы представлены в таблице 1.

Изменения эти никак не комментируются и не аргументируются. В экономической сфере многие замены выглядят, по меньшей мере, нелогично. Трудно, к примеру, найти логику в том,

Таблица 1

Изменение состава базовых экономических институтов X-матрицы по С. Г. Кирдиной за 2000-2005 гг.

2000 г. *	2001 г. **	2004 г. ***	2005 г. ****
Сдачи	Редистрибуция	Редистрибуция	Редистрибуция
Раздачи	Пропорциональность	Пропорциональность	X-эффективность
Жалобы	Координация	Координация	Кооперация
Общественно-служебная собственность	Общая собственность	Верховно-условная собственность	Верховно-условная собственность
Служебный труд	Служебный труд	Служебный труд	Служебный труд
Раздаточная экономика	Редистрибутивная (раздаточная) экономика	X-экономика	Редистрибутивная X-экономика

Примечание. * (Кирдина, 2000), ** (Кирдина, 2001), *** (Кирдина, 2004а). **** (Кирдина, 2005а).

что институты пропорциональности и координации были заменены соответственно институтами X-эффективности и кооперации. Что касается других подсистем, то список политических институтов укоротился, а идеологических – расширился. Были изменены и названия самих матриц – из «восточной» и «западной» они превратились в «X и Y»-матрицы, а экономические системы – из «раздаточных» и «рыночных» преобразовались в «X» и «Y» экономики.

Регулярные переименования институтов в матрице породили ситуацию «размножения» и одновременного существования разных версий этой теории. В 2005г. на сайте «Кризис России» в статье «Об институциональных матрицах: тезисы теории» базовыми институтами названы институты сдач-раздач, жалоб, общественно-служебной собственности, служебного труда [Кирдина, 2005б]. В то же время в другой статье того же года приводится совершенно иной набор институтов (см. колонку 4 в табл.1) [Кирдина, 2005а]. Фактически, одновременно наличествуют две разных по содержанию теории институциональных матриц, принадлежащих одному и тому же автору.

Если с каждой новой публикацией совокупность базовых институтов меняется, причем последняя замена произведена уже после выхода трех монографий, то, как это соотносится с принципом, декларируемым автором данной теории, согласно которому:

«матричность базовой институциональной системы означает принципиальную *невозможность кардинального изменения* одного из институтов без изменения всех остальных в этой системе» [Кирдина, 2005а, с.85]?

Сопоставление изменений в «институциональной матрице» позволяет сделать вывод о том, что разработка этой ключевой категории вряд ли может считаться завершенной. Автор регулярно пересматривает свой «устойчивый и неизменный» список институтов, при этом никак не объясняя производимые замены. И это первое, что вызывает вопрос относительно валидности, как самой теории, так и методики ее построения. Действительно, если найден инвариантный ус-

тойчивый институт, то, как и под влиянием каких причин он может *вдруг* измениться?

В первом издании «Институциональных матриц и развития России» [Кирдина, 2000] приводились исторические иллюстрации к исходному набору базовых институтов. Затем, хотя их состав изменился, текст остался прежним, и под *новые* базовые институты в следующих монографиях подводится *тот же самый* исторический базис с теми же примерами. Скажем, категории «сдачи-раздачи» были переименованы на «редистрибуцию», но в рассуждениях сохраняется использование исходных терминов:

«Соотношение вотчин и поместий постоянно менялось – то превалировала **раздача** поместий, то **раздача** вотчин» [Кирдина, 2004а, с.111].

«Другим способом оплаты дружин со временем становилась **раздача** так называемых кормлений» [Кирдина, 2004а, с.180].

Нововведенные институты никак не иллюстрируются на исторических материалах ни России, ни других стран. Более того, просматривается тенденция, – чем больше новых названий, тем меньше историческая аргументация их постоянного существования.

Тезис о неизменности и устойчивости базовых институтов дополняется положением об изменчивости институциональных форм, в которых эти институты себя проявляют. Это второе по важности утверждение в данной теории. Однако фактических подтверждений этого положения нет. Отсутствуют исторические примеры изменений институциональных форм хотя бы одного политического или идеологического института. Но если постоянно вводятся новые базовые институты, у каждого из которых согласно заданной логике, должны быть свои институциональные формы, то становится понятно, почему это положение не подкрепляется историческим материалом. Просто сначала надо определиться со структурой базовых институтов, а этот этап, как показано выше, не завершен.

Итак, внутренняя «начинка» матриц не устоялась, институциональные формы еще не найдены. А как обстоят дела с внешней средой, в каком пространстве существуют институцио-

нальные матрицы? В выступлении на интернет-конференции «Поиск эффективных институтов для России XXI в.» автор рассматриваемой теории сообщает: «В своих исследованиях институциональной структуры и ее модернизации в современной России я сама стараюсь не употреблять термина «государство»... Могу поделиться тем, что «государство» не оказывается необходимым значимым термином для такого анализа, можно обойтись без него» [Кирдина, 2004б].

Но в таком случае, где, как ни в государстве существуют подсистемы экономика, идеология и политика, которые регулирует институциональная матрица? К тому же самому автору обойтись без этой категории не удастся:

«У-матрица образована институтами: ... в политике – институты федеративного государства. X-матрица образована институтами... в политике – институты унитарного государства» [Кирдина, 2005а].

Налицо внутренние противоречия: с одной стороны, термин «государство» постоянно используется в ключевых положениях теории, а с другой, он не вписан в теоретическую ткань рассуждений как категория анализа. Из-за этого невозможно понять предлагаемую картину новой социальной реальности: институциональная матрица состоит из базовых институтов, которые в свою очередь регулируют три подсистемы. А при описании подсистем выясняется, что они состоят из тех же базовых институтов, сгруппированных в институциональные ядра. При этом, как было показано выше, соотношение ядер и матрицы не раскрывается, а место государства в этом построении не определяется. Для рамок социальной реальности используются термины «общество», «социум», «общественное целое» и даже «социальная структура», рассматриваемые как синонимы. Но прогноз, согласно которому «упрочится роль институтов X-матрицы – редистрибутивной экономики, унитарного государства

и коммуитарной идеологии» [Кирдина, 2006] делается именно для *российского государства*.

Несмотря на расплывчатость и перманентные изменения терминов, основные положения теории институциональных матриц не меняются. Именно они остаются «устойчивыми и неизменными», что делает важным понять их происхождение.

Из авторских предисловий к монографиям следует, что при построении теории институциональных матриц автором была взята за основу теория раздаточной экономики, разработанная в 90-х годах:

«...исходным толчком для ее (теории институциональных матриц) разработки послужили некоторые положения институциональной теории хозяйственного развития России, предложенной современным представителем НЭСШ Ольгой Бессоновой» [Кирдина, 2000, с.4].

Сравним основные положения теории институциональных матриц с положениями теории раздаточной экономики [Бессонова, 1994,1997,1999]:

1. В теории раздаточной экономики обосновано положение о неизменности характера институционального ядра, определенного как совокупность базовых институтов. Соответственно в теории институциональных матриц главным является постулат о неизменности этих матриц, понимаемых как совокупность базовых институтов (или ядра).
2. В теории раздаточной экономики - введен тезис об изменчивости форм базовых институтов. Аналогичное положение об изменчивости институциональных форм имеется и в теории институциональных матриц.
3. В теории раздаточной экономики (1997) обоснована цикличность развития раздаточной экономики. В теории институциональных матриц (2004) также появляется цикличность хозяйственного развития России с

- аналогичной периодизацией.
4. В теории раздаточной экономики вскрывается перманентное развитие рыночных и раздаточных институтов, и в теории институциональных матриц также имеется тезис об эволюционном развитии редиистрибутивных и рыночных институтов.
 5. Положение теории институциональных матриц о доминантном характере базовых институтов и достраивающей роли «противоположных институтов» также позаимствовано из теории раздаточной экономики.
 6. Наконец, в теории раздаточной экономики делается вывод, что Россия – страна с раздаточной экономикой, и в теории институциональных матриц – делается аналогичное заключение.

Из этого далеко не полного перечня видно, что теорией институциональных матриц заимствованы положения теории раздаточной экономики. Это проливает свет на многие вопросы, поставленные вначале данной статьи. Понятие «институциональное ядро» сохранилось как наследие от теории раздаточной экономики, и не вписано в новое смысловое поле. Исходный набор базовых институтов также взят из теории раздаточной экономики, процесс постепенной замены которых занимает автора теории институциональных матриц на протяжении последних пяти лет. Многие исторические иллюстрации, особенно по экономическому развитию России, перелагают «мотивы» теории раздаточной экономики.

Внешне теория институциональных матриц выглядит как переход на новый уровень обобщения:

«С. Кирдина пытается расширить теорию (раздаточной экономики) О.Бессоновой в двух отношениях. Она выдвигает аналогичную гипотезу по отношению к институциональному устройству не экономики, а общества в целом, причем речь идет не о России, а обо всех современных обществах» [Заславская, 2004, с.28].

К каким же результатам приводит эта попытка расширения теории раздаточной экономики? Для сравнения возьмем общедоступную хрестоматию о цивилизациях под ред. Б.С. Ерасова (1999) [Сравнительное изучение, 1999, с. 246] и характеристики институциональных матриц (2000 – 2005гг). (табл. 2)

Видно, что в «новой» институциональной теории воспроизводится противопоставление Запада и Востока из традиционной парадигмы. При этом изменения в наборе базовых институтов не приводят к изменениям выводов: они легко ложатся в проторенную несколькими поколениями ученых колею противопоставлений «западной» и «восточной» цивилизаций:

«Сам автор данного подхода применила концепцию институциональной матрицы к выявлению сравнительных особенностей восточной и западной институциональных матриц, а если вернуться к доминирующему употреблению терминов, к выявлению системных различий между восточной и западной макроцивилизациями» [Шкаратан, 2004, с.20].

Таблица 2

Характеристики Запада и Востока в парадигме «Запад-Восток» и в теории институциональных матриц

Подсистемы общества		«Запад-Восток»	Теория институциональных матриц
Экономика	Запад	Рыночные отношения	Рынок
	Восток	Распределение, редиистрибуция	Редиистрибуция
Политика	Запад	Демократический Авторитарный	Демократия, выборы, федерация
	Восток		Унитарность, иерархия, назначения
Идеология	Запад	Свобода, индивидуальные ценности	Свобода, индивидуализм
	Восток	Порядок, коллективные ценности	Порядок, коллективизм

Вот два типичных высказывания на эту тему в контексте парадигмы «Запад-Восток», аналогичных по смыслу теории институциональных матриц:

«Запад и Восток выделились как два в общем плане принципиально различных типа общественного устройства – и это различие прослеживалось именно на обще типологическом уровне. Запад – развитый, Восток – отсталый, на Западе – прогресс, свобода, индивидуализм, на Востоке – застой, порядок, подавление личности, деспотизм»

[Сравнительное изучение, 1999., сс. 246 – 249]. И второе:

«Причина столь разительного различия восточного и западного общества заключается в том, что их политические и социальные структуры различны в своей основе. Преобразования и реформы, которые осуществляются на Востоке, не ведут это общество по западному пути, а представляют лишь необходимую модернизацию его общественных структур. Таким образом, причиной различий между Востоком и Западом является не расхождение путей исторического развития, начавшееся в какую-то эпоху, а изначальное несходство общественного строя. Восточные страны разнообразны и во многом не похожи друг на друга, но они едины в своей основе и равно удалены от Запада» [Тер-Акопян, 1997, с.9]

Феномен теории институциональных матриц заключается в том, что в этом случае мы имеем дело не с подлинной теорией, а с новым научным жанром, который можно охарактеризовать как *«псевдотеоретическая компиляция»*. В этом жанре работа осуществляется не с реальностью и историческими фактами, а с текстами чужих теорий, как это произошло с концепциями Д.Норта, К. Поланьи, теориями раздаточной и рыночной экономик, парадигмой «Запад-Восток». Все основные положения и категории, а также дальнейшие изменения, производимые с базовыми институтами, привносятся из других теоретических построений.

Например, категория «общественно-служебная собственность» взята из теории раздаточной экономики, «общая собственность» – из

теории рыночной экономики, «верховно-условная собственность» – из марксистских исследований азиатского способа производства. Отношения «сдачи-раздачи» из теории раздаточной экономики, «редистрибуция» – из теории К. Поланьи. Все идеологические институты заимствованы из парадигмы «Запад-Восток», а экономические институты западной матрицы – из рыночной теории без какого-либо дополнительного развития, просто на уровне словарей или учебных пособий.

Возможно, такой прием правомерен, если концепции, используемые как «строительный материал» органически увязаны друг с другом, и на выходе получен новый научный результат. Однако положения разных теоретических концепций, составивших основу теории институциональных матриц, слабо связаны друг с другом и не создают единого смыслового поля. Так, положение о цикличном развитии российской экономики, взятое из теории раздаточной экономики, не соотнесено ни с характером изменчивости институциональных форм, ни с утверждением о неизменности институциональных матриц. Заимствование и последующее переименование категорий приводит к тому, что в текстах фигурируют «инородные» термины (ядра, раздачи и т.д.) не связанные с основными положениями. Тезис Д. Норта о многовариантности путей развития разных обществ вступает в противоречие с выводом теории институциональных матриц о всего двух жестких путях развития. Схема К. Поланьи о редистрибутивных отношениях так и не раскрывается на историческом материале России. Отрицание значимой роли «государства» противоречит выводу о том, что структура матрицы определяет политическое устройство государств. А вместо оригинального результата предъявлен традиционный набор характеристик Запада и Востока.

Теория институциональных матриц использует форму парадигмы «Запад-Восток» как внешнюю оболочку для изложения новейших достижений западного и российского институционализма. Этот прием, похоже, обезоруживает российских обществоведов: ведь Д. Норт и К. Поланьи – признанные классики, положения их теории являются актуальными, и находят широкую

поддержку не только среди институционалистов. Поэтому некоторые серьезные ученые восприняли теорию институциональных матриц как нечто новаторское, закрывающее парадигмальную брешь в теле общественных наук.

«Сам термин «институциональная матрица» был введен Карлом Поляни и Дугласом Нортон, которые высказали предположение, что система институтов различных обществ образует свою особую матрицу, и эта матрица определяет веер возможных траекторий их изменений. С.Кирдина, опираясь также на работы ее коллеги О.Э. Бессоновой, развила идею, придав ей статус целостной теории» [Ядов, 2004].

Такая оценка демонстрирует наличие интеллектуальной ловушки. На самом деле теория институциональных матриц производит впечатление «целостной теории» исключительно за счет включения *целостных блоков чужих идей*. Именно они действительно проработаны, в отличие от того, что привнесено самостоятельно. Тексты, посвященные теории институциональных матриц реферативны, они не являются результатом законченных самостоятельных исследований и не соотносятся с известными фактами.

Вот некоторые примеры личного вклада автора. В теории институциональных матриц, свобода - исторически имманентный и всегда существовавший базовый институт западной матрицы. Но как этот институт соотносится с такими фактами европейской истории как рабство в античный период, крепостное право в средневековье, монархические режимы в Новое время?

Институт «выборов» отнесен только к «Y-матрице», однако общеизвестно, что в советский период регулярно проводились выборы в органы власти и управления. Причем выборность не была дополнительным, или «комплиментарным» институтом, поскольку пронизывала базовые структуры общества изнутри – «демократический централизм» в КПСС, в комсомоле, профсоюзах и проч. По крайней мере, эти явления требуют более углубленной рефлексии, чем простое противопоставление.

Остается неясным вопрос, как можно конкретизировать наличие в России «института

порядка», противопоставленному «институту свободы»? Как он проявляет себя в рамках исторической ретроспективы, например, в «удельный» период или «смутное» время российской истории, и каковы его институциональные формы? Никакого рационального комментария по этому поводу в рассматриваемых текстах нет. А ведь тот самый прогноз для России, о котором речь шла выше обеспечивается именно отнесением «института свободы» только в западную матрицу, а «института порядка» исключительно в восточную. На мой взгляд, эти примеры доказывают, что «теория» не базируется на объяснении феноменов реальности, а построена по принципу: что загрузил в «матрицу» на входе - то и получишь на выходе.

Продуктом собственного научного поиска является, например, «институт пропорциональности», представленный в качестве базового экономического института «X-матрицы». А что, разве в рыночных экономиках отсутствует стремление к пропорциональности, и их целью является создание исключительно диспропорций, т.е. хаоса? Обоснованием введения этого «института» является не реальность, а ссылка на «закон планомерного и пропорционального развития», придуманный идеологами социализма [Кирдина, 2004а, с. 134]. При этом не назван ни один вид пропорций, который устанавливается законодательно или стихийно. Впрочем, сейчас уже поздно задаваться этим вопросом, так как в публикациях 2005г. институт пропорциональности незаметно исчез. Аналогичная ситуация и с институтом «координации», который после введения его в монографии 2004г в последующих работах был заменен.

Нововведенный базовый институт «X-эффективность» трактуется как стремление к снижению издержек в масштабе всей экономической системы, действующее исключительно в «X-матрицах». Значит ли это, что только нерыночные экономики стремятся к снижению издержек, а рыночные - нет. Дело в том, что, само понятие «X-эффективности» взято совершенно из другого научного контекста. «X» и «Y» - эффективность – это стратегии фирм на разных этапах их развития, причем именно в рыночной среде [Словарь..., 1997]. Кроме того, ни одного аргумента в

пользу наличия этого института в реальной хозяйственной практике России автор теории не приводит, ограничиваясь простым упоминанием его в общем перечне.

Несмотря на обещанный в аннотациях «богатый фактологический материал из истории античных государств, стран Западной Европы, США, Юго-Восточной Азии» [Кирдина, 2000], в действительности он не использован в качестве доказательной базы. Аналогичная ситуация и с «анализом обширного материала о социальных революциях во Франции, России и странах Юго-Восточной Азии, выполненного на основе положений теории институциональных матриц» [Кирдина, 2001, с.194]. Остается надеяться, что автор предьявит обещанные факты в ответе на мои критические заметки. И заодно ответит, как и на каких исторических данных, им установлена «тождественность институциональных матриц нашего государства и Золотой орды» [Кирдина, 2001, с. 232].

Помимо постоянных, причем противоречащих друг другу нововведений, в теории институциональных матриц, обнаруживаются существенные методологические дефекты, вызванные методом ее построения.

Главное из них - неопределенность соотношения понятий «институционального ядра» и «институциональной матрицы», которое, в конечном счете, формирует связи между базовыми институтами и институциональными формами. В текстах С.Г. Кирдиной постоянно фигурируют ядра, но не соотношенные со структурой матрицы. В 2006г. ядро уже фигурирует в постулатах и объявляется неизменной сущностью. Хотя до сих пор именно матрица выступала в таком качестве:

«Ядро сохраняет свою сущность, в то время как формы проявления этой сущности постоянно развиваются» [Кирдина, 2006]. И одновременно в этом же тексте:

«Институциональная матрица складывается в момент образования государств и на протяжении их развития сохраняет свою природу» [Кирдина, 2006].

Так что же все-таки сохраняет свою неизменную сущность – ядро или матрица? Где именно, или «на поверхности чего» локализуются институциональные формы? И чьими про-

изводными они являются – ядра или матрицы? Эти ключевые методологические вопросы не обсуждаются ни в одной из работ по теории институциональных матриц.

Смешение «глубинного» - базовых институтов, составляющих институциональное ядро, с «поверхностными» институциональными формами в институциональной матрице, не позволяет в рамках данного построения понять характер изменчивости и устойчивости общественных структур. Если институциональная матрица неизменна, то какова логика изменчивости институциональных форм, какие факторы вызывают институциональные инновации в обществе, и что является импульсом к движению общества по институциональным циклам? В анализируемых текстах ответа на эти вопросы нет. Но если автором не принято во внимание множество существенных факторов, то как был выстроен прогноз дальнейшего развития России? Например, в предлагаемой теории совсем не рассматриваются трудовые отношения. А если бы они были учтены, то вряд ли с такой легкостью можно было бы приписать Западу постоянный и неизменный «институт свободы». Вспомним, что тезис об «эксплуатации человека человеком» является продуктом именно западной саморефлексии, вплоть до XX века.

Эклектичность теории институциональных матриц позволила просто объединить положения теории раздаточной экономики с выводами о двух путях цивилизационного развития. В результате возникла жесткая привязка этих теорий друг к другу:

«У России свой особый путь, западные же институты не принесут ей пользы. Среди серьезных исследований наиболее последовательно эта позиция представлена О.Бессоновой и С. Кирдиной. ... Бессонова рассматривает жизнеспособные «раздаточные» экономики, Кирдина считает, что России как и другим странам Востока, присуща институциональная матрица, включающая авторитарную государственную власть, раздаточную экономику и коммуитарную идеологию. Согласно этим концепциям, наблюдаемые тенденции возрождения в России элементов советской системы закономерны и будут усиливаться... Ясно, что с

этой точки зрения демократия в России не приживется никогда» [Ясин, 2005, с. 221].

Другая форма объединения этих теорий возникает, когда при цитировании характеристик институциональных матриц используется набор базовых институтов из теории раздаточной экономики (Таблица 3) [Нуреев, 2006].

Поскольку положения теории раздаточной экономики оказались полностью включены в теорию институциональных матриц, то обе они ошибочно воспринимаются в научной среде как единое теоретическое поле:

«О.Э.Бессонова и С.Г.Кирдина пишут об институциональных матрицах, которые устанавливают краеугольные основания и главные социокультурные и нормативные границы социальных общественных систем» [Глазырин, 2006].

«Исходя из этих идей институциональной социологической теории представители новосибирской социологической школы (О. Бессонова и С. Кирдина) разработали концепцию институциональных матриц» [Чеботарев, 2002].

«Рассмотренные две близкие по содержанию концепции: концепция раздаточной экономики О. Бессоновой и концепция институциональных матриц С. Кирдиной с рестрибутивной экономикой, - исследуют, с нашей точки зрения, в большей степени формальные правила поведения экономических субъектов...» [Кривцун, 2005].

Между тем в теории институциональных матриц связь между политикой и экономикой в исторической динамике представлена иначе, чем это заложено в основах теории раздаточной эко-

номики. Теория институциональных матриц, делая недостоверные прогнозы, фактически пытается навязать представление о том, что развитие хозяйственной системы России на базе институтов раздаточной экономики является причиной, как зарождения, так и воспроизводства авторитаризма на «веки вечные». Именно этот центральный и глубоко ошибочный тезис порождает крайне негативное отношение многих исследователей к раздаточному типу экономики, невзирая на тот факт, что она имеет объективный характер, возникла не по желанию тех или иных правителей, а в результате сочетания глубинных цивилизационных характеристик российской общественной системы.

«...Эта поправка создает предпосылки для перехода к новому типу «раздаточной экономики», т.е. экономики антирынка, которая у нас существует уже тысячу лет...Это возврат к той системе, в которой нет отдельно поля экономики и поля политики, есть один грязный слипшийся комок «властесобственности», в котором ни экономика, ни политика не могут развиваться...В России завершается формирование корпоративного «раздаточного» государства, в котором нет ни экономического, ни политического рынков, ни рынка идей...» [Яковенко, 2006].

Теория институциональных матриц подается ее автором как «поиск новой парадигмы», но совершенно очевидно, что в действительности реставрируется старая парадигма «Запад-Восток». Обновление устаревшей схемы за счет теории раздаточной экономики и новых идей институционализма означает явный шаг назад, поскольку эта парадигма давно превратилась в плоскую идеологему, сталкивающую «рыночно-демо-

Таблица 3

Сравнительные особенности восточной и западной институциональных матриц

Сравнительные признаки	Восточная матрица	Западная матрица
Экономическая сфера	Институты раздаточной экономики (Бессонова): общественно-служебная собственность, административные механизмы редистрибуции (К. Поланьи, 1944) или раздатка, служебный труд	Институты рыночной экономики: частная собственность, обмен (купля-продажа), конкуренция, наемный труд, прибыль как целевая функция

кратический» Запад с «нерыночно-авторитарным» Востоком. Благодаря этому противопоставление двух путей развития вновь стало активно раскрываться в политдебатах и опросах населения:

«Какой тип экономики должен отстаивать Президент РФ 2008 года?» С крайними подсказками: «Свободно-рыночный тип экономики» или «Планово-раздаточный тип экономики». И «какой тип власти должен отстаивать Президент в 2008г.: «унитарный или федералистский» [Идеология – фонд, 2006].

На самом деле картина мира намного сложнее. Попытка расширения теории раздаточной экономики на компилятивной основе искусственно погрузила ее в устаревшую схему «Запад-Восток». Действительным расширением теории раздаточной экономики и новым уровнем ее обобщения является *общая теория институциональных трансформаций*, в которой предлагается парадигма с новой картиной мира и дается иной прогноз политического и экономического развития России [Бессонова, 2006а].

В этом новом мировоззрении раздаточная экономика – такая же объективная реальность, как и рыночная, при этом оба типа экономик проходят в своей эволюции одинаковые формационные стадии. Первоначально и рыночные и раздаточные экономики на длительных отрезках истории развиваются в условиях авторитарных (монархических) режимов, но на определенном уровне развития становится неизбежен переход к демократическим формам власти. Возврат к старому объективно невозможен, поскольку те формы, в которых существовала раздаточная экономика в советский период, соответствовали лишь конкретному историческому уровню и уже отработаны, исчерпаны. Современная Россия активно ищет и находит новые эффективные формы развития, соответствующие духу времени.

В *общей теории институциональных трансформаций* следующий исторический этап эволюции российского общества назван «демократизмом». На этом этапе государственные органы управления выстраивают контрактные отношения с хозяйственными субъектами, бес-

печивая интеграцию раздаточных и рыночных институтов. Глубокое многолетнее изучение механизмов функционирования раздаточной экономики в России дает основание для прогноза, согласно которому историческая логика ее саморазвития неизбежно приведет к замене авторитарной формы правления, сковывающей деятельностный потенциал общества, на демократическую модель власти в адекватной для российской реальности форме [Бессонова, 2006б, с.142-143].

Литература

- Бессонова О.Э. Общая теория институциональных трансформаций как новая картина мира // *Общественные науки и современность*, 2006, №2.
- Бессонова О.Э. Раздаточная экономика как российская традиция // *Общественные науки и современность* 1994, №3; Бессонова О.Э. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1997; Бессонова О.Э. Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1999. http://ieie.nsc.ru/~rokos/nesch/BESSONOVA/T_R_E_C.html
- Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. – М.: РОСПЭН, 2006.
- Глазырин В.А. Методологические основания становления социологии права в западно-европейской социологии XIX- начала XX веков Автореферат диссертации на соискание учёной степени д. с. н. - Екатеринбург, 2006. <http://vak.ed.gov.ru/announcements/sociol/glazyr.doc>
- Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. – М.: Дело, 2004.
- Идеология-фонд. Кто займет место Владимира Путина? \ «Идеология-фонд», 04.05.2006. <http://www.ideolegiya.ru/news/?news=997>

- Кирдина С.Г.* «Об институциональных матрицах: тезисы теории» // Опубликовано: Четверг, 17 марта, 2005 г. - на сайте «Кризис России» <http://www.rus-crisis.ru/index.php?name=News&file=article&sid=191>
- Кирдина С.Г.* Государство- нужный или ненужный термин для научной полемики? \ Интернет-конференция: Поиск эффективных институтов для России XXI века, 2004. <http://ecsocman.edu.ru/db/msg/137337&text>
- Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. – М.: ТЕИС, 2000.
- Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. – Новосибирск: ИЭи-ОПП СО РАН, 2001.
- Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. // Лекция на семинаре «Проблемы и пути использования инновационных технологий в государственном управлении», 25 октября 2006. <http://kirdina.ru/doc/31oct06/1.ppt>
- Кирдина С.Г.* Теория институциональных матриц (пример российского институционализма). // Постсоветский институционализм. Под ред. Р.М. Нуреева и В.В. Дементьева. Донецк: Каштан, 2005, с.75-101.
- Кирдина С.Г.* X и Y экономики: институциональный анализ. – М.: Наука, 2004.
- Кривцун Л.А.* Формирование институциональной структуры экономики и природа структурных сдвигов. Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая. Выпуск 89-1. http://institutional.narod.ru/donetsk1/89-1_6.doc
- Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М. Начала, 1997.
- Нуреев Р.М.* Власть–собственность в современной России (как проблема зависимости от траектории предшествующего развития) // Интернет-конференция: Россия: варианты институционального развития, 2006. <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/293149.html>
- Словарь современной экономической теории Макмиллана / Общ. ред. Дэвида У. Пирса; Пер. с англ. А.Г. Пивоварова; Науч. ред. д.э.н., проф. В.С. Авнономов. - М.: ИНФРА-М, 1997. - 608 с.
- Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Составитель Б.С. Ерасов. – М.: 1999.
- Тер-Акопян Н.Б.* Древний Восток. К вопросу об организации и этике труда. // Этика и организация труда в странах Европы и Америке. Древность, средние века, современность, М.1997.
- Чеботарев Ю.А.* Институт педагогического образования в России в контексте процесса модернизации (на сайте Владикавказского института управления). - <http://www.viu-online.ru/science/publ/bulleten/page16.html>
- Шкаратан О.И.* Российский порядок: Вектор перемен. - М.: Вита-Пресс, 2004.
- Ядов В.А.* Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. – СПб.:Интерсоц, 2006. С.33-34; Ядов В.А. «Посткоммунистические» трансформации с позиций современных теорий. //Россия реформирующаяся/ Под ред. Л.М.Дробижевой. – М.: Ин-т социологии РАН, 2004. С.346-356 <http://www.wellhead.ru/files/active/1/Задания.doc>
- Яковенко И.* «Депутатов пустят в огород» \ Новая газета, №10 от 13.02.2006. <http://2006.novayagazeta.ru/nomer/2006/10n/n10n-s12.shtml>
- Ясин Е.* Приживется ли демократия в России. - М.: Новое издательство, 2005.

Рукопись поступила в редакцию 02.03.2007 г.